

2022

КОНТУРЫ СТРЕМИТЕЛЬНО МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

08 АВГУСТА 2022

Под влиянием происходящих глобальных геополитических трансформаций, мощным катализатором которых стал кризис вокруг Украины, имеет место «повышение ставок» со стороны коллективного Запада в его стремлении добиться «стратегического поражения» России. Соответственно ситуация в сфере безопасности в Европе резко обостряется, расширяется зона конфронтации и нарастают риски прямого конфликта между Россией и НАТО. США и их сателлиты продолжают расширять поставки тяжелых вооружений и направлять добровольцев в помощь киевскому режиму. Начались поставки американских дальнебойных ракетных комплексов HIMARS и боевых беспилотных летательных аппаратов Gray Eagle, способных поражать цели в российских приграничных городах.

Одновременно по ходу проведения специальной военной операции на Украине внутри западного «лагеря» наметились расхождения касательно дальнейшего курса в отношении России. Англосаксы ставят на «затяжной» конфликт и настаивают на интенсификации военного содействия Киеву. В то же время ведущие страны континентальной Европы выступают за сохранение диалога с Россией в интересах достижения переговорного урегулирования ситуации на приемлемых для России условиях. Особняком выглядит Варшава, которая, по экспертным оценкам, стремится воспользоваться ослаблением позиций Киева для эвентуального присоединения неких «исконных» польских территорий на Украине, а то и возрождения Речи Посполитой в новой территориальной конфигурации (фантазии на тему «от моря до моря» И.Пилсудского).

Североатлантический альянс взял курс на длительную конфронтацию с Россией. Принятый на саммите НАТО в Мадриде в июне новый

базисный документ блока – его «стратегическая концепция» на период до 2030 г. (т.н. «стратегии НАТО-2030») – имеет четко выраженную антироссийскую направленность: Россия определена как «самая значительная и прямая угроза безопасности» натовских стран, которую участники альянса обязались «сдерживать» всеми доступными средствами, включая методы гибридных и кибервойн, а также новые военные и информационные технологии. Запущен процесс практического включения в НАТО прежде нейтральных Швеции и Финляндии (протоколы об их участии подписаны 5 июля с.г.), объективно чреватое созданием новых угроз безопасности России, увеличением вдвое протяженности линии нашего соприкосновения с Альянсом. Балтийское море уже мыслится как «натовское озеро».

Взаимоотношения России с Западом и НАТО практически заморожены и, надо полагать, это надолго. Любая стабилизация военно-политической ситуации на континенте и в европейской политике вообще, включая снижение риска ядерной эскалации, потребует выработки новой архитектуры безопасности, обеспечивающей ее неделимость в Евро-Атлантике. Ее придется создавать практически с нуля и с учетом наработок, содержащихся в проектах документов, переданных США и НАТО 15 декабря прошлого года. Пока же военная и иная помощь Украине становится все более обременительной для натовских стран, а ожидаемые финансовый, продовольственный, миграционный и энергетический кризисы на Западе чреваты радикальным осложнением внутривнутриполитического положения западных стран и их дальнейшей самоизоляции от остального мира.

Как и прежде, внешняя политика США ориентирована на решение внутривнутриполитических задач администрации. Несмотря на попытки

Дж.Байдена списать свои проблемы на «российскую агрессию на Украине и сплотить нацию вокруг «базовых американских ценностей», ультралибералистский курс его администрации лишь способствовал усилению раскола в американском обществе. Инфраструктурные реформы, предложенные Конгрессу в виде законопроектов, были поддержаны лишь частично в силу сплоченности республиканцев и внутренних противоречий в стане демократов. Одновременно вызванный ростом социальных расходов скачок инфляции подорвал доверие к самому Дж.Байденому, в том числе среди его базового электората, и привел к обвальному падению рейтинга главы государства. По мере приближения промежуточных выборов в Конгресс шансы демократов удержать контроль над Палатой представителей стремятся к нулю, что позволит республиканцам манипулировать бюджетным процессом в предвыборных целях в рамках следующей президентской кампании.

Начало Специальной военной операции Российской Федерации на Украине было воспринято в Вашингтоне как шанс «трансформировать повестку» и сплотить население США вокруг президента на почве русофобии. В результате, украинский кризис ускорил темпы деградации российско-американских отношений. Налицо стремление элит закрепить в массовом сознании Америки образ России как враждебного государства. Причем в отличие от Европы, испытывающей комплексные проблемы, спровоцированные конфликтом на Украине – от усиления инфляции до наплыва мигрантов, американцы в меньшей мере страдают от санкционного бумеранга.

Уровень мобилизации западных элит вокруг антироссийского курса, в свою очередь, не позволяет ожидать изменения его характера и после выборов 2024 г. в США. По ряду экспертных оценок, лишь смена

поколений в элитах США (как показывают опросы, молодежь в меньшей мере склонна к демонизации России) позволит вернуть надежду на позитивные перемены и сдвиг в сторону нормализации отношений с Россией.

В оценке геополитических последствий нынешней тревожной ситуации большинство экспертов исходят из того, что США не в состоянии утвердить свое глобальное лидерство и обеспечить продвижение своего «порядка, основанного на правилах» (на деле он призван поменять послевоенный международный правопорядок с центральной ролью ООН), а многополюсный мир – уже формирующаяся реальность. Постамериканский мир – этот термин уже давно введен в оборот американскими же политологами. Подавляющее большинство государств Азии, практически вся Африка и арабский мир, а также целый ряд стран Латинской Америки, включая ведущие, отказались поддержать антироссийскую позицию и санкции Запада против России. Вопреки намерениям западных элит нынешний кризис в отношениях с Россией с новой силой высветил качественную активизацию самостоятельной роли незападного мира в рамках тренда регионализации глобальной политики как этапа движения на пути к многополярному мироустройству. Более того, самоизоляция Запада означает ни что иное, как регионализацию европейской и евроатлантической политики, которая перестает быть драйвером общемировой, как это было в последние 400–500 лет, а в XX веке проявилось в двух мировых войнах и войне холодной. Скорее можно говорить о том, что Европа оказывается на задворках Большой Евразии, о которой (его Хартленд) писал 100 лет назад Х.Маккиндер (он же предсказывал геополитический закат Атлантических

держав). Одним из проявлений евразийской политики стала ШОС и ее расширение, равно как и китайский проект «Один пояс, один путь».

Этим, в частности, подтверждается высокая значимость процессов, наблюдающихся в более широком динамичном Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Здесь прочно укоренилась традиция поиска развязок на инклюзивной и консенсусной основе, без использования заимствованных извне моделей. Благодаря этому сложились стабильная парадигма развития и неплохой антикризисный потенциал, причем с устойчивым трендом полицентричного интеграционного взаимодействия на базе региональных «центров притяжения» (прежде всего АСЕАН). Все это ведет к дальнейшему смещению фокуса мировой политики и экономики в сторону АТР, привлекая к нему повышенное внимание практически всех глобальных акторов и одновременно расширяя круг азиатских участников трансграничного сотрудничества.

Вместе с тем опасным элементом геополитической ситуации в Восточной Азии стало стремление США переформатировать АТР под себя в порядке реализации «Индо-Тихоокеанской стратегии» администрации Дж.Байдена. По сути, она сводится к попытке реализовать американоцентристские блоковые планы, нацеленные на «концентрическое» расширение зоны влияния Вашингтона в Азии в рамках «двойного сдерживания» – России и Китая – и в противовес уже действующим в регионе многосторонним структурам. В этих целях США усиленно конструируют цепочки из своих азиатско-тихоокеанских союзников (Япония, Южная Корея, Австралия, Южная Корея, Новая Зеландия) сеть новых альянсов и диалоговых форматов, таких как Четырехсторонний диалог по безопасности» (QUAD) с участием США, Австралии, Японии и Индии и откровенно военный альянс AUKUS (США, Великобритания и

Австралия) – «партнерство в сфере обороны и безопасности», отсылающих к изжившей себя идее Англосферы, что также говорит в пользу вывода о самоизоляции англосаксонских стран – на этот раз в АТР. С антикитайской направленностью таких шагов активно солидаризируется Япония, используя вслед за Вашингтоном ссылки на ситуацию в Тайваньском проливе, обостряющуюся вследствие американских провокаций.

Делаются также попытки укрепить экономическую составляющую прозападных структур в АТР. В апреле Вашингтон объявил о запуске «своей» так называемой рамочной договоренности по экономическому и торговому взаимодействию в Индо-Тихоокеанском регионе, как считается, тоже нацеленной на сдерживание Китая при доминировании американцев. К участию в этой платформе приглашены 12 стран (Австралия, Бруней, Фиджи, Индия, Индонезия, Япония, Южная Корея, Малайзия, Новая Зеландия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, США, Вьетнам). Надо полагать, данный проект призван компенсировать отказ администрации Д.Трампа от идеи создания Транстихоокеанского партнерства (ТТП), продвигавшийся при Б.Обаме.

Дополнительным настораживающим фактором стало повышение интереса НАТО к Восточной Азии, в том числе в порядке участия в военных демонстрациях в зоне Южно-Китайского моря, считающейся «очагом нестабильности». В новой стратегии НАТО их глобалистские амбиции нашли свое яркое отражение: декларировано намерение «укреплять диалог и сотрудничество с новыми и существующими партнерами в Индо-Тихоокеанском регионе для решения проблем межрегиональных вызовов и обеспечения общих интересов в сфере безопасности»; при этом Китай объявлен «системным вызовом», а партнерство

России и КНР «противоречащим ценностям и интересам» альянса. Характер этой блоковой политики явно деструктивен, он противоречит базовому пониманию безопасности и сотрудничества, как оно укоренено в цивилизационных кодах ведущих азиатских держав.

Весьма важно, однако, что при этом в АТР неизменна общая позитивная динамика, и здесь достаточно трезвых сил, которым неприемлемо навязывание извне искусственных формул «порядка, основанного на правилах», ведущего к расколу сложившейся региональной политики. Среди них – АСЕАН, перспективный коллективный игрок на региональном поле, который, несмотря на усилившееся заигрывание с ним США, сохраняет неприятие попыток потеснить системообразующие позиции Ассоциации в АТР, дистанцируется от антикитайских альянсов и наращивает стратегическое партнерство с Россией и сотрудничество с ЕАЭС.

Приверженность курсу стратегической автономии демонстрирует влиятельная Индия, поддерживая с Россией отношения особо привилегированного стратегического партнерства и возражая против милитаризации «партнерств» под эгидой США. Нью-Дели, со своей стороны, похоже, пытается взять реванш у Пакистана за потерю позиций в Афганистане, в том числе укрепляя свое культурное, экономическое и политическое присутствие в республиках Центральной Азии. Кстати, по мнению большинства экспертов, катастрофический и позорный уход США из Афганистана в августе прошлого года будет иметь необратимые последствия для американской политики в АТР.

Подавляющее большинство азиатских стран, за исключением ближайших американских союзников, не пошли на принятие либо под-

держку антироссийских санкций, противоречащих их базовым установкам, и отрицают саму логику подобных односторонних методов ничем не прикрытой экономической войны. Продолжает набирать темпы практическое взаимодействие азиатско-тихоокеанских стран на неконфронтационной основе в рамках не только ШОС, но также РИК, БРИКС, диалоговых структур АСЕАН и на других региональных площадках и форумах.

В контексте современных вызовов безопасности и развитию в АТР весьма важную стабилизирующую роль играет стратегическое взаимодействие России и КНР в новую эпоху, согласованная позиция сторон по которому была развернуто изложена в Совместном заявлении лидеров двух стран, принятом 4 февраля 2022 г. Такое взаимодействие объективно становится важнейшим фактором в деле создания благоприятных условий для формирования основ нового миропорядка.

Эта синергия призвана составить, по сути, одну из несущих опор будущего Большого Евразийского партнерства (БЕП), главная идея которого заключается в создании общего пространства сотрудничества на Евразийском континенте. Выступая на пленарном заседании Евразийского экономического форума (Бишкек, май), Президент В.В.Путин подчеркнул своевременность задачи формирования комплексной стратегии развития такого партнерства как большого цивилизационного проекта равноправного сотрудничества, ориентированного на то, чтобы «изменить политическую и экономическую архитектуру, стать гарантом стабильности и процветания на всем континенте».

Глобальные перемены не обошли стороной и ситуацию вокруг Корейского полуострова. КНДР предсказуемо выступила в поддержку

России, в то время как Республика Корея примкнула к «западному лагерю», хотя в отличие от Японии присоединилась к санкциям без энтузиазма и добилась для себя некоторых послаблений в применении западных санкционных «правил». Новое южнокорейское правительство, состоящее, в основном, из убежденных консерваторов, связанных с США, оставляет мало надежд на ослабление напряженности в регионе. А силовое давление на КНДР в контексте раскола мира, провоцируемого западниками, включая укрепление союза РК-США и их сотрудничества с Японией, лишь дестабилизирует ситуацию, что вызывает и соответствующую реакцию Пхеньяна (с января продолжается череда ракетных испытаний в КНДР).

Афганистан при власти Движения талибов остается в центре внимания региональных и мировых держав. США и их союзники по НАТО, являющиеся виновниками критически бедственного положения афганцев, проявляют индифферентное отношение к их проблемам. Нарушения прав человека служат предлогом для предоставления стране символической гуманитарной помощи вместо жизненно необходимых финансовых вкладов в ее экономику. Проблем прибавляет террористическая деятельность формирований Исламского государства (ИГИЛ-Хорасан), а также вооруженное противостояние с правительством талибов оппозиционного Фронта национального сопротивления, который придерживается тактики партизанской войны. Партнеры же Афганистана единодушны в понимании необходимости формирования инклюзивного правительства, отражающего интересы основных этнополитических сил страны, оказания ей неотложной помощи. Наиболее важным условием взаимодействия с Афганистаном является его становление в

качестве мирного, независимого государства, свободного от терроризма и наркопреступности, соблюдающего базовые нормы в сфере прав человека, проводящего политику дружбы и сотрудничества с соседними и другими государствами.

Венские переговоры между Ираном и США при посредничестве ЕС по восстановлению Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) и, соответственно, снятию односторонних американских санкций не приносят пока конкретных результатов. Вашингтон упорно отказывается от выполнения иранских условий достижения согласия, ключевыми из которых являются: исключение Корпуса стражей исламской революции из списка террористических организаций, а также установление реальных сроков отмены санкций и предоставление гарантий их невозобновления. Столкновение позиций сторон усилились после принятия Советом управляющих МАГАТЭ резолюции, подготовленной США, Великобританией, Францией и Германией, которая критикует Иран за отсутствие разъяснений по поводу следов урана на объектах, не заявленных в качестве относящихся к ядерной программе Исламской Республики. Москва и Тегеран в сложившейся обстановке демонстрируют стремление развивать конструктивный диалог и взаимовыгодное сотрудничество, в том числе в энергетической, машиностроительной, финансово-банковской, транспортно-логистической, сельскохозяйственной и других сферах, что убедительно продемонстрировал недавний визит Президента В.В.Путина в Тегеран, в рамках которого состоялась встреча в верхах в Астанинском формате (Россия – Иран – Турция) по Сирии.

Под воздействием обострения мировой геополитической обстановки оказался Ближний Восток, где традиционно значительную роль

играли глобальные игроки, что поставило страны региона перед непростым выбором. Большинство государств региона, в том числе страны, традиционно считавшиеся союзниками США, несмотря на оказываемое на них давление, предпочло позицию равноудаленности, не желая быть втянутыми в конфронтацию Запада с Россией. Фактически это означало их отказ от безоговорочного следования в фарватере политики Запада, растущую неуверенность относительно американского союзника и, как результат, все большую ориентацию на позиции расширяющегося круга других глобальных держав, включая Китай и Индию.

Важнейшим фактором, повлиявшим на позицию стран региона, является укрепление позиций России на Ближнем Востоке, где она вернула себе статус влиятельного внешнего игрока и значительно продвинулась в развитии разносторонних связей практически со странами региона, сформировав сферу общих интересов в области безопасности, экономики, энергетики, видения нового миропорядка. Недавний визит Дж.Байдена на Ближний Восток лишь вскрыл крах того, что называлось «стратегическим присмотром» США за этим регионом.

Благодаря миротворческим усилиям России, процесс урегулирования отношений между Азербайджаном и Арменией, стабилизации обстановки в регионе в целом начал приобретать позитивные очертания. Вместе с тем задачи, стоящие перед Баку и Ереваном по окончательному выходу из конфликта, достижению взаимного доверия и согласия, весьма сложны. Камнем преткновения на данном этапе является требование армянской стороны о предоставлении территории Нагорного Карабаха статуса широкой автономии. Азербайджанская сторона постановку этого вопроса после второй карабахской войны

считает утратившей актуальность и настаивает на признании этнических армян Нагорного Карабаха частью населения Азербайджана, обладающей равными правами с другими гражданами этого государства. Наблюдалось также стремление поучаствовать в карабахских делах со стороны западников – США, Франции, Евросоюза, что преследует цели потеснить Россию, закрепить за собой роль главного модератора в субрегионе, причем в обход формата Минской группы ОБСЕ.

Ситуация в Центральной Азии остается сложной. США в возрастающей степени стремятся противостоять влиянию России на всем постсоветском пространстве. Среди таких шагов – программа «Совершенствование правовой среды», финансируемая Агентством США по международному развитию, которая направлена на поощрение оппозиции в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане. При этом Вашингтон не оставляет попыток добиться размещения американской военной базы в этой части Азии. Продолжается и ориентация США на матрицу проекта Большой Центральной Азии, предусматривающего интеграцию республик бывшей советской Средней Азии с Афганистаном и Пакистаном для создания некоего «заслона» на китайских торговых путях в Европу и создания зон нестабильности в этом «мягком подбрюшье» России. Нельзя исключать, что и «резкий» уход США из Афганистана был мотивирован такой политикой Вашингтона.

Все страны Центральной Азии, и в особенности Казахстан, проводят «многовекторную внешнюю политику». Заметным стал визит президента этой страны в Анкару в мае, по итогам которого были подписаны совместное заявление о расширенном стратегическом партнерстве, меморандум о военно-техническом сотрудничестве, а также межправительственный протокол о сотрудничестве в области военной

разведки. Продолжались шаги оппозиции – в марте имели место новые уличные выступления с популистскими требованиями немедленных реформ, сопровождаемые информационной кампанией в интернете. В преддверии Дня Победы в Казахстане активизировалась группа казахстанских националистов, выступающая в недружественном России духе на фоне СВО.

Неспокойна обстановка на границе Киргизии и Таджикистана, где регулярно случаются перестрелки и другие инциденты с участием военнослужащих. В апреле вспыхнули полномасштабные бои из-за спора вокруг водораспределительного пункта. В начале июня в Баткенской области вновь произошла перестрелка с применением минометов.

На политическое развитие стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) продолжали оказывать негативное воздействие такие факторы, как слабость демократических институтов, политизированные судебные системы, коррупционные скандалы и высокий уровень преступности и насилия, а также высокий уровень неравенства доходов. Социальная и политическая поляризация усилились. Страны региона продолжили восстановление экономики после пандемии, но рост политических рисков оказал негативное влияние на суверенные рейтинги ряда стран региона. Итоги выборов, прошедших там в последний период, были разновекторными, но в целом сопровождались дальнейшим вытеснением центристских сил в пользу более радикальных левых и правых кругов (при всей неоднородности, эклектичности и популизме соответствующих организаций). В целом, согласно экспертным оценкам, ситуация в странах Латинской Америки в 2022 г. чревата ростом внутривнутриполитических противоречий.

В то же время ЛАКБ не остался в стороне от общих глобальных трендов, таких как регионализация. Так, на Саммите Америк в Лос-Анджелесе в июне наблюдалась рекордная неявка: из-за отказа США пригласить Кубу, Никарагуа и Венесуэлу в Саммите не участвовали лидеры Мексики, Боливии, Гондураса, Гватемалы и Сальвадора, а всего 11 стран участвовали на более низком уровне. Только обещанием проведения двусторонней встречи Дж.Байдену удалось уговорить приехать на Саммит Президента Бразилии Ж.Болсонару. Стоит иметь в виду, что еще на IV Саммите Америк в 2005 г. был «похоронен» проект создания Вашингтоном Всеамериканской зоны свободной торговли (ALCA).

В контексте актуальных глобальных проблем последнего времени можно выделить киберугрозы, учитывая, что после начала СВО на Украине Россия подверглась беспрецедентному количеству кибератак, которые фактически приняли масштабы кибервойны, причем с нарушением немногих имеющихся международных договоренностей в этой сфере. В ожидании ответных действий западные государства увеличивают финансирование программ киберзащиты, и все большая часть организаций частного сектора вовлекается в глобальную гонку кибервооружений. Ожидается, что высокотехнологичные государственные субъекты будут передавать свои наступательные кибертехнологии союзникам и прокси-операторам, что ускорит неконтролируемое распространение подобных технологий опасного характера.

Последние события в мире также деструктивно повлияли на эволюцию переговорного процесса по международной информационной безопасности. Активизировались инициативы, направленные на торпедирование приемлемой системы ее обеспечения. В частности, в ходе

«саммита за демократию» США предложили создание «альянса за будущее Интернета» – как «альтернативного видению глобальной сети в качестве инструмента государственного контроля». Это, как считается, может быть расценено как попытка заложить основу для некоего цифрового альянса по типу НАТО, направленного против России и Китая как мощных интернет-держав со своей самостоятельной политикой. На фоне этого предлагаемые и предпринимаемые Российской Федерацией инициативы и усилия, направленные на поддержание инклюзивного диалога и равноправного международного сотрудничества с сохранением ключевой роли государств в принятии решений и центральной роли ООН как центральной переговорной площадки по вопросам международной информационной безопасности, имеют определяющее значение для дальнейшего переговорного процесса по всем аспектам данной проблематики.

* * *

Международные события последнего времени, отражают ускорение темпов тектонических изменений на мировой арене, наглядно демонстрируют чрезвычайно острое усиление борьбы двух кардинально противостоящих тенденций: охранительный – стремления Запада сохранить свое доминирование в глобальной политике, экономике и финансах, и трансформационный – демократизации международных отношений в соответствии, в том числе, с императивами культурно-цивилизационного многообразия мира с его множественностью ценностных систем и моделей развития и опорой на универсальные международно-правовые инструменты. Совокупность современных трендов объективно «голосует» в пользу движения в сторону полицентричной системы координат мировой политики на инклюзивной и равноправной

основе, включая взаимный учет интересов государств, как единственно способной обеспечить человечеству реальную безопасность и процветание перед лицом совокупности новых угроз и вызовов всему человечеству, таких как деградация окружающей среды и изменение климата. По сути, новой глобальной повестке дня противостоит старая, отсылающая к прошлому и идеологическим и иным предрассудкам западных элит, их корыстным интересам.

